

Лиза Смирнова

Мёртвые не поют

2024

UDK 821.161.1 (476)-1
C 18
Liza Smirnova
Mirušie nedzied
Dzejoļi (krievu valodā)

C 18   **Смирнова, Лиза**

Мёртвые не поют: *Стихотворения*.— Ozolnieki: Literature Without Borders, 2024.— 70 с.— (Paroles; вып. 7).

ISBN 978-9934-9177-9-0

Лиза Смирнова — поэтесса, журналистка, левая и антивоинная активистка. Родилась в 1993 году в Калуге. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Тексты публиковались в журнале "Новый мир", сетевых проектах "Грёза", "Полутона", ROAR, Литература, Feminist orgu mafia и др. Лауреат премии журнала "Новый мир" (2021). Длинный список премии им. А. Драгомощенко (2017, 2019). Главный редактор и автор антивоенного телеграм-канала НЕВОЙНА. Живет в Париже. Это её дебютная книга.

Кураторы серии:

Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:

Кирилл Медведев

Художник:

Дарья Чабан

- © Смирнова Л., 2024
- © Медведев К., послесловие, 2024
- © Paroles, макет, 2024
- © Чабан Д., рисунок на обложке, 2024
- © Черкасов А., обложка, 2024

ISBN 978-9934-9177-9-0

*Дарье Чабан
посвящается*

***

Однажды в ваших жизнях
ничего не произошло

было очень напряжённо
пожилые женщины вывешивали
в дверные проёмы
мокрые простыни

и те развевались как флаги
или карты сражений
с жёлтыми пятнами завоёванных территорий

птицы меняли курс осенних полётов
заметая следы

женщины красили волосы
заплетали их
и тепло расходилось
от каждой из них
даже звери жались к женским рукам
и птицы свивали гнёзда
рассаживаясь по их головам

каждый вечер за домом
всходило два солнца
кто-то жёг костры
в почерневших парках
кто-то тонул
в городских прудах
кто-то закапывал трупы
в придорожных лесах

в целом
жизнь ползла как всегда
но этот зуд
привычка всё откладывать
на потом
до настоящей жизни
она грызла вас
точила как черви
спёкшиеся яблоки

и вы пили за бывшим заводом Кристалл
ходили на концерты друзей
чтобы там хоть кто-то из зала орал
спорили о политике
любили и даже страдали
из-за этого
так сладко и непринуждённо
потому что надо же было чем-то себя занять
пока не придёт она
настоящая
хорошая
жизнь

а потом настал день
многие ждали
боялись его
но ничего не произошло

КАК ХОРОШО, КАК ВЕСЕЛО МЫ ЖИЛИ

***

Вибрирует влажный воздух,
гудит татарский камень в переулке,
и женщины выходят говорить о рыбе.

все в нашем фильме замедляются:
вот город старика несёт по улицам
и он живой
впервые

— впервые мы любим жёлтый цвет
— мы к цвету проявляем интерес
— мы выделяем цвет в пространство
— война не сходит с гор
— мы любим

город
спускается к воде
теряется ориентир
в туманной безмятежности
с тобой кончаются все города
как будто бы лицо твоё разрезал
глициний плотный свет
и этого как будто не хватало

***

Не верь тому, что смогла увидеть, —
у наших границ беспокойно,
там птицы растут из останков космических кораблей,
у самого края страны цветёт алиссум пушистый.
И ты не узнаешь, кем станешь,
когда подрастёшь.

***

Всё, чего ты хотела, —
тонкая плоть птицы в больничном дворе,
ветер, идущий с севера, и горечь, поселившаяся в языке,
где ещё недавно кочевали слоги и интонации юга.
Всё, что запомнится накануне полярной ночи:
люди курят под первым снегом, затем танцуют,
мокрый флаг, кто-то входит с дождя в чебуречную
или просто стоит под дождём.

А все ожидают, возвращаясь домой,
застать остывающий завтрак, чай.
И убедиться однажды в зернистый полдень:
к нам идут хорошие времена.

***

Впрочем, пока мы вынуждены были следить
за поисковыми машинами,
составлять шифры и декодировать поступающие сообщения,
над домом пролетели несколько самолётов
приятной формы.

Это — к празднику,
солнечный день обошёл нас по кругу,
и еда стала менее вкусной,
когда мы закончили исследование
забытых у нашей лаборатории инопланетных тел.
Скажи-скажи мне, зачем ты повязала в волосы эти ленты,
скажи, как называется этот день.

***

Не в последнюю очередь вспомнит
и рассмотрит случившееся как вариант
невозможности трёх молодых человек
в середине весны замирающих у железнодорожного перехода
кто узнает их в проезжающей электричке
до начала всего что произойдёт чуть позже
где-то в центре Москвы

***

Что будет, когда мы устанем ждать,
настанет время отправки последнего письма:
жду тебя, дорогое моё животное,
скоро оттаёт асфальт,
трамвайные рельсы выползут из земли,
разные праздники начнут занимать людей.
слышу ночами, ты едешь
из глубокого морока и зимы
в электричке, переполненной бедняками, женщинами, детьми,
песня ваша звенит за окнами,
замирает, дрожит,
подскажи, что близится — Пасха или Песах,
когда прилетит сова/снегирь/канарейка/стриж
и пурпурной лентой ядерных зим
ляжет в дремлющих волосах?

***

Будто нет ничего
но им и не нужно
на засиженном выцветшем
автовокзале
посреди южных улиц
девочка моет лениво фрукты
прямо в пакете
(ловит воду из крана
и отпускает обратно)
нектарины к примеру
один из них убегает
и катится
долго катится под прилавок
жмётся там к собачьим бокам
застывает
как мёртвый

***

Быть жёлтым цветам у железнодорожного переезда,
мокрой дороге, горькому воздуху и уставшей
тяжёлой листве на сирени,
приходящему из ниоткуда ветру,
голосу, уходящему вместе с любовью.
Приближаясь и отдаляясь,
ты как тени, что были здесь на снегу до
того, как запах земли стал тёплым и сладковатым,
ты как снег, в эту зиму и в прошлую зиму,
он случайность волны, разбивающейся о берег, который
мне оставлен ещё до того.
Эти искры весёлые, колебание отражений,
поднимающих сотню мальков
шелковистых со дна к твоим тёплым рукам,
на мгновение попадания в такт,
когда умным быть так неприлично,
и речь отступает, как любое
временное, подверженное разрушению.

***

Никакой навигации

дальше только кусты
сирень жимолость бульденеж —
отличительная черта ландшафта
в середине России

из травы виден город —
труба цеховая стена
непрерменно фонтан пересохший

свет как контрразведка наносит на карты
перекрестие лёгких теней
на лице местной женщины
замечания к жёлтым дачам
гнездящимся у великой воды

а она их потом переводит
на множество разных наречий
и на местный забытый язык

***

Всё возвращается
с первыми холодами
и забытого голос
который нужно оставить

проходит по летним базарам —

где грустные кабачки
вздутые как утопленники
мягкие груши
перебирают женщины
пальцами в разноцветных кольцах

об оставленных реках
где после захода солнца
загорелые прежде тела
все одинаково белые
и ненадёжно мерцают

вспоминают

а ты даже не помнишь
какие цвета у любимых
какие повадки

как разные руки
превращают прибрежные травы
сначала в чёрные сны
шелестящие на глубине

а следом
русло реки усыхает
забирая с собой рыбаков
корабли и тела
вместе с их
удивительными словами

***

Иссякнет пустота
и там где мы лежали
теперь бежит
не оставляя след
река
и наша речь
которой больше нет
её у поворота
настигает

у нас жуки
в руках и в волосах
мы выжженные
лампой наоконной
заблудимся друг в друге
как в лесах
и тех словах
которых написали

в горячем и
болеющем саду
где яблонь эпидемия спадает

такого хочешь ты

и так бывает

***

О цветущая земля нашего детства
душные дворы разделённые
на армянскую и азербайджанскую половины
школы чеченских беженцев
и детей русских солдат

о шмели залетающие к нам в волосы
во время дневного сна
осы жалящие нас в медовые мочки уха
в лучших снах своих мы строили планы
перевоза оружия через горные блок-посты

и грустные коровы обычно
встречающиеся на перевалах
звенели под вечер в мокрых туманах
сотни дыр в пустоте которых
вырастали к рассвету

о цветущая земля нашего детства
погибшие и живые послушайте
как люблю когда в четыре утра
говорят: посмотри
этот слабый я знаю
сколько видел таких
сколько видел

но что ты видел на серой своей земле
ответят погибших тени
ну что ты вообще мог там видеть
ответят живущие

***

Работают обычные люди
другие едут
длинной цепочкой грузовиков

в столовой для них
сухое какао
из банки
и сгущёнка
из банки

а после ещё грузовики
и автобусы
без табличек

пчёлы мухи на остановках
и песня про космос
в будке на АЗС

будто лето кончится
а за ним ничего не будет
как в жизни

***

Меня не было,
представь, нас ещё не существовало,
а женщины шли по набережной в лёгких платьях
с капельками тумана на лицах.
зрение их фрагментировало пространство,
город мерцал и вздрагивал на периферии.
Жёлтые прожекторы стройки, краснеющая трава,
птицы и дикие звери неуловимых цветов
в неудобных позах —

всё было без нас,

мы лежали на сухих досках у моря,
и пальцы наши соприкасались,
входили друг в друга на границе определения времени,
а волосы высыхали под солёной ладонью.

***

В жару пространственный узор
укладывался в белых комнатах спиралью
к ней приходили женщины и дети

ели немые спелые фрукты
названия для них не вспоминая

когда боль прилиwała к телу
мы уезжали вместе оставляя
чужую комнату на юге
и в окнах высыхающие флаги

***

В темноте только снег снег
только мост над дорогой
и он то есть то нет

не видать ни тебя
ни дома твоего ни окна
но катушкой раскрутится
память твоя темна

скажут немного каких-то слов
любые слова
и они уложатся в логику снов
о будущем
самого страшного сна

***

Представь, говорят,
это те же горы,
Кавказ, например,
Сухум или Цандрыпш,
море тоже оттуда,
а всё остальное из Подмосковья.

Почти возвращение —

это как самолёт заходит
на круг второй,
пять лет и десять лет,

и всё кажется,
внизу сквозь пунктир огней
проскочит такси
с душистой дыней на заднем сиденье,
и таксист бесконечно споёт
песни о своей далёкой
невозвратной родине.

***

Золотые покорители пространства,
вами получен тончайший сигнал, пахнувший кашей в татарском
расцветающей яблоней, возвращением к морю, посёлке,
шёпотом в полуденном переулке:

— здравствуйте, дорогие! это война,
наши маленькие первооткрыватели и космонавты.

рыбаки и герои привезли для вас
это волнующее сообщение

***

Я давно хочу рассказать,
как хорошо, как весело мы жили,
пока не началось всё это.
как хорошо, как весело мы жили,
когда началось всё это.
как хорошо, как весело мы живём сейчас.
я давно хочу рассказать,
как чайки на нашем пруду
перестали кричать по утрам,
как перестали ходить поезда,
и потому их гудки
больше не будят нас среди ночи,
не подбрасывают во сне,
не заставляют подойти к окну,
не чтобы закрыть,
но чтобы прислушаться,
разглядеть в темноте чаек,
оседлавших металлические крыши вагонов,
чаек, отправившихся за тысячи километров отсюда,
потому что чайки всегда умнее человека,
они знают,
как спасти свой пруд,
свой воздух, который будет держать их
вместо металлических крыш вагонов.
помните, одна чайка спросила,
выйдя в прямой эфир:

*Что вы видели перед тем, как закрыли глаза?
Что бы вы хотели увидеть, когда откроете их снова?*

ПОСТРАЙТЕСЬ ВСЁ ЭТО ЗАПОМНИТЬ

***

*Едем едем на восток
Через поле и лесок
Кто нам встанет на пути
Тем живыми не уйти*

*Через речку через степь
Нам терпеть терпеть терпеть*

*Женщин лёгкая рука
Осеньет на века
Звери рыбы и трава
Вся природа здесь мертва*

*Едем едем в смерть и мрак
Сквозь затопленный овраг
Что нам солнце что нам зной
Не узнаем мы с тобой*

***

Летом утро здесь
путается в придорожных травах
и туманы делят реку
криво прочерченными границами
но не приносят ни грибов
ни романтического успокоения
и если знаешь к кому обратиться
то даже здесь можно найти выход

всё давно остыло
и нет никаких известий
как мёртвые замерли голоса
тех кого хотели но не успели забыть

и только в пожухлых садах
в темноте набухают
абрикосы яблоки
и другие такие же тёплые
и бесполезные плоды

***

Это ещё не конец света
но что-то уже такое

поедем товарищ отсюда
куда подальше

в следующем месяце здесь закончится стройка
и можно будет ходить напрямую

а пока ещё всё на оккупированной территории
такая вот фраза
сразу ничего не объясняет
чтобы это сейчас ни значило

может больше уже не встретимся
а может
там где степи кончаются
где горы кончаются
никто уже не стареет
и только собаки еда да вода
какой-то общий такой исход
подальше отсюда
туда

родная земля позывной
родная земля
и неразборчивая меланхолия

***

Закрытый город
город рядом
лежит
и кто-то в нём лежит

последний дождь идёт
и в темноте снаряды
взрываются
но нам не слышно их
в предчувствии других
больших событий

кто мы такие чтобы слышать их

нас через дождь
спасательное ищет судно

***

Какая долгая земля
нелепо бьёт тебя под дых,
деталь: 7 января,
библия для слепых.
все тут, собрались и молчат:
вот так.
и больше не один
с тобой пожизненно молчат
возвышенности ближних зарубежных

***

Всё растопит
и воды пойдут в города
будет всюда вода
и страшные тени с юга
потянутся за водой
не живой и не мёртвой

но никто не уйдёт
беременных памятью мест
не оставит
вспомни кликнут
люди с птичьим лицом
как у нашего моря пожар замирает
и пустынные улицы
дрогнут
на мгновение чёткость утратив

***

Есть слова, что растут из трав,
что собой заменяют крещёную воду,
перестань твердить про борьбу
и свободу

в новом мире вещей и любви
“ничего” получается лучше, чем слово,
по утрам поднимается город,
переполненный от войны,
молчаливый от песен
про жизнь и свободу

говорить непонятно
— умение мирных времён
я хочу говорить непонятно

чтобы стёкла металлическим цветом цвели
чтоб дома скрипели внутри
и было что-то невнятно
тревожное от всего

от заброшенных кладбищ, пустых парковок,
от дорог, не принёсших нам ничего
и разбросанных в памяти, как листовки
с довоенного митинга

***

До снега — опрокинутость в безвременье,
технические неполадки устранены
и мы не узнаём себя,
записанных здесь под номерами.
в проёмах между слов скрывается война,
свет падает за нас и размыкание пространств
остановимо зрением спасённого,
но выжившего из ума.
мы пропускаем это.
несчастные не узнаю́т ни смерть, ни то, что до,
падение и нагота друг друга
нас сделали неузнаваемыми,
и только безучастный голос забытой радиоточки
тревожит банальностью сообщений:
там всё цветёт и движется

***

Спустя четыре месяца
понимаю что не заплатила за квартиру
мы снимаем с моей подругой
почему она не напомнила
что нужно сдать деньги
половину суммы
всегда напоминала

мне снится что мы живём
в той же квартире
но теперь она в другом районе
другого города и другой страны

я хожу по улицам
и думаю про пауков
они устроили в моём городе карнавал
их радость затопила любимые улицы
в любимых барах
любимое пиво
мило улыбаясь пьют пауки

в переулках у вестибюлей метро
где целовались люди с исчезающими лицами
где у самой исчезало лицо от поцелуев
мёрзнут прекрасные пауки

и мы думаем что с ними можно договориться
все уже давно пытаются с ними договориться
закрываю глаза — вижу пауков
открываю глаза — мне больше не нужно платить за квартиру
мы больше не снимаем квартиру

в настоящем где все попробовали
полюбить пауков

***

Так совсем ничего не получится,
покурить выйдешь,
вернёшься — лучше бы не возвращался
а хочется вот так:
сама, сама и чтобы ненадолго
(как бывает летними вечерами),
мы говорим тебе — ведь там уже стреляют,
еда однообразна и без вкуса,
приходи лучше к нам,
про тебя мы совсем ничего не знаем

***

Мартовская Москва
спуск бульваром на Трубную
похмельный завтрак

неудобная обувь
(скажешь — чисто понты)
и стёртые ноги

или зимние Чистые
переход у трамвайных путей
бесконечно продлённая ночь
и под снегом стыннут такси

ёлка будет на Патриках
вычистят лёд для катка

переход к зоопарку

здесь тихо пока
здесь ещё ерунда

но на месте многих из вас
уже кто-то другой

***

Вернёшься, позабыв и звук, и жест:
останемся в кино, где поля колос,
и все с ужасно влажными глазами.
скажу —
сойди в одной пустой земле,
не спрашивай,
там каждый обо мне
расскажет.
картинка медленно плывёт,
где городок
на пограничном пункте
прибывшие с почтением перед раздолбанной пятёркой.
замкни контакт, и пусть ударит наугад,
а ты —
*«как жаль их всех,
но если родина прикажет»*

***

Девочка видит себя во сне
долго борется с зомби
покачивается и зависает
битый экран
и цветные полосы по нему

а вокруг декорации
спальник Москвы
или горькая степь
и над ней небесные поезда
чёрные завитки золотые тела
в этом смысле зомби совсем как живые
даже рты у них будто родные

кто будет биться с вами
когда нас не останется
спрашивает она последнего

***

На двух ладонях удержать
путь из одной страны в неё же
и поезд медленно сползающий
к границе

ни беженцев ни дезертиров ни убийц
не разглядеть в ближайшей перспективе

печальный пьяница
проходит сквозь вагоны

на ощупь песнями
раскрашивают жизнь
оценщики Зелёного базара

цветные тряпки женщины
прозрачность позднего тепла
растущая из октября
для мертвецов увечных и забытых

***

Война не ведёт тебя никуда.
Если ты беженец, то
будь ты в горном ущелье,
в осенней степи,
на пафосном побережье
между красивых вилл.
Проезжай в автобусе,
и женщины с чёткими, как
на древних монетах, лицами
пусть тебе улыбнутся
из-за стёкол автобусов и очков, —
война не ведёт тебя никуда.

Всё пройденное тобой —
лишь фантом,
возникающий, словно камни,
возгорающиеся у дорог,
по которым ты шла, а потом ползла,
скидывая с себя
нажитый хлам,
летние платья,
дешёвые кольца.

Ты ищешь защиту,
которую сможешь примерить,
как платье на выпускном,
чтобы кто-то выпустил каждого,
кто невиновен.
Но словари языка для твоего
рассказа об этом
замучены и сожжены,

а у тех, кто ещё говорит,
никто не находит защиты.

***

Между тревогой и чужими утратами
словно ещё не выпал
ни один февральский снег
и не было синего солнца
этой длинной холодной весны
ты замечаешь что лето
всё-таки наступило

за ожиданием и проклятиями
центральные улицы
твоего городка
вновь покрылись песком
принесённым из совсем
совсем другой страны
скрывшейся за бесконечной
невыносимо чужой и такой же
невыносимо любимой
тяжёлой степью
над которой плывут теперь
(вглядишься ненадолго
в разогретый воздух
над стянутыми в плотную нить поездами
мимо которых каждый раз
ты идёшь на работу
или возвращаешься под утро домой)

над которой плывут теперь
чужие слова
помнящие ещё биение сердца
звук голоса и прикосновение языка
присмотрись

одиночество это невозможность
рассказать кому-то о том
что даже если всё потеряно
лето неизбежно наступит
оглушит тебя
но ничему не научит

***

Умирает последний
продавец овощей
уборщик в оранжевой куртке
укладчик асфальта
плитки укладчик
курьер из доставки готовой пицци

как писали великие
никакие цветы не растут

умирают кузнечики
пчёлы и мелкие зимние мухи

истлевшее сохнет бельё на балконе
с последней войны возвратившихся партизанов

уезжай говорят они
и ещё возвращайся сюда непременно

запевают старые фронтовые песни
о девочке в автомате

***

*Моя дочь засыпает и спрашивает:
почему мы так долго живём здесь,
если мы в путешествии.*

Степь дышит и молчит
сквозь стекло такси
за которым встаёт красное солнце
и мокрые с ночи травы
нагреваются и высыхают
как твои подростковые волосы
вымокшие в портовом городе
лет пятнадцать назад

тишина между степью и морем
никогда не узнаешь
что будет после неё
а на фото — мальчик с девочкой
стриженная голова

кто из них ещё жив
кто сидит в тюрьме
выходи уходи
кто живёт во тьме
не учи как нам
говорить с тобой
в чужих глазах
только степь
а в моих прибой

тишина на фото
от дыр на стене

от пыток дубинок
сапог на земле
девочка девочка
почему здесь зима
весь год
кто родится — не старится
но умрёт
что останется кроме
степи и твоих солёных волос

пустота между ними
это как летом в жаркой траве
на старом велосипеде
срываешься под откос

***

память приходит и зависает как выстрел
ей бы светить огнями
всем своим мертвецам
по весне оживающим под водой
с пустых полей идущей
на молодые могилы

но она застревает

всё что писала о памяти и
тяжести возвращения
тонет в бессмысленном лепете
ровесников этого века
они говорят что могут многое
рассказать мне о наших детских
торговле голоде
утренних перестрелках около лифта
о городе которого не знают
о тех кого больше нет

о том что вы не знали
не знаете
и чего боитесь

о том что мы пережили
и привели за собой
вы боитесь звука пустых вагонов
навсегда застрявших
у затопленного переезда
не видели футбольного поля
у теплотрассы где

дружба любовь карьера
были для нас войной

мы потонули как самый
прогнивший корабль
той эпохи которая с вами
пришла в страну
зачерневшую знамёнами ужаса

и наша память
то с чем вам предстоит разобраться

***

От яблок растущих
и падающих в темноте
в ночь на исходе лета
от преющих у костров над водой
беженцев и дезертиров
нынешних и будущих войн

от того что не выйти отсюда
не отползти
сквозь песчаные насыпи
горные перевалы или хребты
от того что туманом на берег сходит
а затем стережёт в пути

от того что требует на верность себе присягнуть
но не слышит слов
а затем спадает как свет
и время не чует её следов

для всех не доживших
до лучших дней
в справедливость уставших верить
и помнить о ней

в бессоннице прорастает
и расцветает вдруг
из мелочей
как и всё вокруг

***

Всё выключено
уменьшен звук
все ждут когда он появится
из комнаты справа
в советской квартире
по типу “распашонка”

но он не выходит

и высыхают фрукты на столе
стареют дети
последние приглушённые сообщения
с ближнего востока
уже никого не волнуют
тридцать и более лет

а он не выходит

и тогда собравшиеся думают —
это хорошие вести
расскажем об этом соседям

***

Звери, которых кормишь с руки,
живущие под нашей землёй,
знающие каждую излучину,
каждый поворот подземной реки,
не видящие нас с тобой.

только духов видящие и сны,
как с ночи тело нагрето,
словно от лихорадки
или солнца солёных лучей
в конце щербатой весны.

живут в предсказаниях тёмных дней,
по горящим травам и птицам
читают смерть,
к вам придёт ноябрь, — пророчат,
и каждый, кто помнил о ней,
проворней окажется и сильней.

***

Не во сне
а как есть наяву
в октябре дожди
в октябре война
заверни их
одно в одну

закодируй это
милый дружок
спрячь подальше
потом удали

пионерский возьми рожок
и пока не глядят глаза
уходи

прокатилась по землям
ночная тьма
что хоть выколи хоть завяжи
никуда не глядят глаза
вот и ты никуда не смотри

***

Замирает вода у земли
на бесцветном песке ни следа
мёртвых звёзд между спутников
перекличка
с ярко-красной звездой
для погибших в немислимых странах

слабый сигнал посылают
в заснеженные поля
анемичные дачники

и ответ на их запрос не приходит

но если искал ты убежище
то лучше уже не будет

***

Зверята милые зверята
постарайтесь всё это запомнить

наш рассеянный свет
(для вас мы его сохранили)
и чего здесь теперь только нет

птичек этих дурацкое пение

по весне пышно будет цвести

а за ржавыми гаражами
совершенно живые как будто
это мы перед вами

***

Заброшенная станция

“здесь был 2-й отряд”

теперь растут грибы
но их никто не собирает

смотри, как грустно смотрят те,
которых не съедят

веранду затемнит
печальный борщевик

мальш супергерой
с ним борется покуда
его дебютный високосный год
идёт по кругу

мы из руин империи

следим за их борьбой

***

Как на войне —
шифруют послания девушки
в неприметных одеждах

у колонки с водой такие же дети
такой же клевер и подорожник
и какие-то жёлтые выбившиеся с огородов

кто возвращается тот всегда узнаёт
как всё остаётся прежним
пахнет бензином и семечками во дворах
на козихинской и колхозной

позже лёжа на крыше
вглядываясь в мерцающие космические корабли
девушки думают — как на войне
и — за то ли мы воевали

МЁРТВЫЕ НЕ ПОЮТ

***

Догадайся, кто я, —
спрашивает девушка
интеллигентной профессии, —
у меня, милая, морщины от водки
“столичная”
все разгладились при такой реальности.
посмотрите направо, говорит репродуктор,
полюбуйтесь, как над домами
кружат чёрные единицы:
беспилотники над столицей;
налево —
я — репродуктор, стальные девы.
всё враньё, — говорит репродуктор, —
никто не убит,
мир рассержен, но не закрыт,
засыпают и нежатся дети в норах,
одеялами не шуршат,
никого не убьют,
мёртвые не поют.

Ничего не произошло

Стихи Лизы Смирновой похожи на частные дневниковые съёмки из эпохи до социальных сетей. Плёнка то сворачивается, как улитка, то раскрывается, принимая неочевидные, исчезающие и проступающие, царапающие факты реальности. Здесь есть самое ценное, чего может добиться поэт, — ощущение, что плёнка, как время, движется сама по себе, вне зависимости от личных обстоятельств и эмоций автора. Стихи в виде книги закрепляют это впечатление.

Они полны неслучившимися событиями, усталостью от их ожидания и разочарованием в них. Одиночество человека, который странным образом произошёл из мира животных, растений и камней, заставляет его в процессе приручения животных, поедания растений и обработки камней надеяться на какое-то новое большое происшествие в жизни. Человек надеется на него в детстве и в зрелости, на краю деградации, гибели и конца света. Любое происшествие только приблизит его к смерти, но обычно ничего не происходит, и надежда умирает в настоящем и воскресает в будущем — и манит воскресением, отодвигая смерть.

Мистика и религия облачают эту надежду в свои термины, но человеческая надежда — больше мистики и религии, она живёт вместе с ними и помимо них. В известном стихотворении Гумилёва трамвай ускорившегося революционного времени мистическим ветром разматывает плёнку вспять, и оживает «старик, конечно, тот самый, что умер в Бейруте год назад». В нашем фильме, наоборот, «всё замедляется», «город старика несёт по улицам / и он живой / впервые...» В мутном, судорожно подвисшем времени есть свои милые эпизоды.

В историческом смысле — это время, которое мы проводим в безвремяе между токсичным охранительством и дискредитированным, как будто уже невозможным прогрессом. Одни повторяют по инерции старые прогрессистские заклинания в вакууме конца истории, другие, видя впереди

пугающий постчеловеческий мир, хотя, чтоб всё осталось, как есть, и желательно, чтоб уже никогда ничего не происходило.

Но тревожат воспоминания о том, что у нас тут уже когда-то кое-что произошло, и постлюди в квир-одеждах вместе с говорящими козлами и роботами-гуманистами победили космический бандитизм и тупую алчность. А теперь история обратилась вспять, и «птицы растут из останков космических кораблей», и наконец «— Здравствуйте, дорогие! это война, наши маленькие первооткрыватели и космонавты»... За опыт дерзкого и жестокого фальстарта в будущее мы наказаны пребыванием в дурной мистике разматывающегося в прошлое настоящего, где любое движение вперёд — это лишь одинокое приближение к смерти. А коллективное, политическое движение вперёд — весёлые маленькие пикеты, большие митинги или городские восстания, — лишь триггер для ещё большей реакции: репрессий, пыток и войны, которая (кто бы на что ни надеялся) «не ведёт тебя никуда». Опять ничего не произошло. Или что-то произошло, но лучше бы не происходило. «Ещё не конец света но что-то уже такое»...

Дороги тоже «не приносят нам ничего» и разбросаны в памяти, «как листовки с довоенного митинга» «в справедливость уставших верить и помнить о ней». Активизм, с каждой новой неудачей вызывающий всё большее привыкание — к идее, что благими намерениями и политической страстью вымощена дорога в новый мир, — подхватывает родовую надежду человека и доводит её, а вместе с ней и силу разочарования, до радикальных пределов. И чем больше тебя тревожит растущий «у самого края страны» «алиссум пушистый», тем вероятнее, что «ты не узнаешь, кем станешь, когда подрастёшь»: в молодости — пионер, в зрелости — реакционер, разделённый между двумя эпохами, раздробленный на частные фракции и запертый в вечном настоящем, как девочка из неслучившегося будущего, снятого в кино, как её маленькие друзья, не ставшие первооткрывателями и космонавтами.

Но «иссякнет пустота / и наша речь / которой больше нет», «у поворота настигает»... Загадочная человеческая надежда, не желающая окончательно заползть в себя, конфликтует с историческим безвременьем, и разочаровывается в себе, и преодолевает собственное разочарование и пустоту.

Это подспудный конфликт нашего времени, который обязан отражаться в современной поэзии, и он замечательно отражается в стихах Лизы Смирновой. Плёнка движется дальше, захватывая неожиданные детали и самозарождающуюся жизнь.

Кирилл Медведев

Содержание

"Однажды в ваших жизнях..." 5

КАК ХОРОШО, КАК ВЕСЕЛО МЫ ЖИЛИ

"Вибрирует влажный воздух..."	9
"Не верь тому, что смогла увидеть..."	10
"Всё, чего ты хотела..."	11
"Впрочем, пока мы вынуждены были следить..."	12
"Не в последнюю очередь вспомнит..."	13
"Что будет, когда мы устанем ждать..."	14
"Будто нет ничего..."	15
"Быть жёлтым цветам у железнодорожного переезда..."	16
"Никакой навигации..."	17
"Всё возвращается..."	18
"Иссякнет пустота..."	20
"О цветущая земля нашего детства..."	21
"Работают обычные люди..."	22
"Меня не было..."	23
"В жару пространственный узор..."	24
"В темноте только снег снег..."	25
"Представь, говорят..."	26
"Золотые покорители пространства..."	27
"Я давно хочу рассказать..."	28

ПОСТАРАЙТЕСЬ ВСЁ ЭТО ЗАПОМНИТЬ

"Едем едем на восток..."	31
"Летом утро здесь..."	32
"Это ещё не конец света..."	33
"Закрытый город..."	34
"Какая долгая земля..."	35
"Всё растопит..."	36
"Есть слова, что растут из трав..."	37

"До снега — опрокинутость в безвременье..."	38
"Спустя четыре месяца..."	39
"Так совсем ничего не получится..."	41
"Мартовская Москва..."	42
"Вернётся, позабыв и звук, и жест..."	43
"Девочка видит себя во сне..."	44
"На двух ладонях удержать..."	45
"Война не ведёт тебя никуда ..."	46
"Между тревогой и чужими утратами..."	48
"Умирает последний..."	50
"Моя дочь засыпает и спрашивает..."	51
"память приходит и зависает как выстрел..."	53
"От яблок растущих..."	55
"Всё выключено..."	56
"Звери, которых кормишь с руки..."	57
"Не во сне..."	58
"Замирает вода у земли..."	59
"Зверята милые зверята..."	60
"Заброшенная станция..."	61
"Как на войне..."	62

МЁРТВЫЕ НЕ ПОЮТ

"Догадайся, кто я..."	65
<i>Послесловие Кирилла Медведева</i>	66